

Глава 9

В начале часа Вэй колонны гвардейцев Золотой Брони, вооружённые мечами, заняли свои места. Между столами вереницей сновали служанки и дворцовые евнухи, поднося блюда и наводя порядок.

Вскоре раздался звон колокольчиков, и под сенью балдахинов, затмивших солнце, прибыл сам император. Почти сотня новоиспечённых цзиньши вместе с придворными и слугами тотчас же пали ниц, громогласно возглашая: «Десять тысяч лет жизни Вашему Величеству!».

Великий евнух Цзиньчан развернул императорский указ на жёлтом шёлке и зычно провозгласил:

— Повинуясь воле Небес и следуя великому предназначению, жалую ныне трём первым ученикам Поднебесной высокие чины. Небеса указали на достойнейших, а потому дарую чжуаньюаню Юэ Цзе ранг младшего писателя-составителя при Секретариате двора, соответствующий пятому классу старшей ступени. Баньяню Синю Е дарую ранг младшего помощника писателя-составителя, соответствующий шестому классу старшей ступени. Таньхуа Шэнь Цинхэ дарую ранг цзишилана, соответствующий пятому классу старшей ступени, дабы служил он подле меня и исправлял ошибки в государственных указах. Повелеваю исполнить!

Трое юношей на мгновение замерли, а затем поклонились, благодаря за императорскую милость.

Присутствующие были ошеломлены.

Согласно традиции, ранги чжуаньюаня, баньяня и таньхуа должны были последовательно понижаться. В крайнем случае, лишь чжуаньюань получал высший ранг, а двое других — ранг ступенью ниже. Нынешний же указ нарушал все правила: таньхуа Шэнь удостоился ранга, ничем не уступающего рангу чжуаньюаня Юэ Цзе!

Пытливые взгляды устремились на Шэнь Цинхэ. Представители незнатных родов решили, что за ним, должно быть, стоит могущественная семья, раз уж ему удалось обойти самого Юэ Цзе из клана Яньлинь.

Аристократы же рассудили иначе: хоть цзишилан и относится к пятому рангу, по сути это всего лишь придворная должность, номинальный чин. Составлять проекты указов для государя да выполнять мелкие поручения — разве можно сравнить это с должностью писателя-составителя? Распутное поведение Шэнь Цинхэ было хорошо известно в столице. Ну и что с того, что ему посчастливилось стать таньхуа? Долго ли лиса сможет прятать свой хвост? Говорят, Его Величество уже однажды лично лишал его должности. Кто знает, не повторится ли история.

До них дошли слухи, что его мать — всего лишь дочь торговца. Стало быть, он лишь одной ногой ступил в их круг, не более чем третьесортный выскочка. Вероятно, и император придерживался того же мнения, раз решил держать его на виду, подле себя.

Придя к такому выводу, они смотрели на Шэнь Цинхэ с откровенной насмешкой.

Юэ Цзе издали молча наблюдал за ним.

«Цзишичжун, приближённый императора».

«Кажется, непыльная работенка», — подумал Шэнь Цинхэ.

«Лишняя зарплата на госслужбе точно не повредит».

Его совершенно не заботили чужие домыслы и пересуды. Наконец-то ледяной голос Системы вновь подал признаки жизни.

[«Утром — простолюдин в поле, вечером — в чертогах Сына Неба. Постигнув науки ратные и гражданские, продай свой дар дому императора». Поздравляем Носителя с получением должности цзишичжуна пятого ранга и завершением основного задания, этап второй: «Проба сил». Награда: 1300 очков.]

[Активировано основное задание, этап третий: «Показать себя». Просим Носителя сделать следующий шаг на пути к вершинам власти. «Чистое сердце — основа правления, прямой путь — опора жизни. Стройный ствол станет колонной, а лучшая сталь не согнётся в крюк».]

— Система, твоя зарплата. Продлеваю тебе жизнь ещё на сто тридцать дней.

Передав учеников на попечение Системы, он мог выкроить для себя немного больше свободного времени.

Система была растрогана до глубины души. Носитель потратил все очки, которые мог бы обменять на приятные мелочи, чтобы обеспечить его существование!

Шэнь Цинхэ задумался. На этот раз ключевые слова задания отличались от предыдущих — не было чётко обозначенной цели.

«Значит ли это, что для выполнения миссии существует не только путь продвижения по службе?»

Когда указ был зачитан, император Чжаохуань произнёс:

— Прошу вас встать, мои верные подданные. Пир Золотой Чешуи — великая радость. Веселитесь же все вместе и отбросьте условности.

Разделить трапезу с Сыном Неба было неслыханной честью.

Трое первых цзиньши — Юэ Цзе, Синь Е и Шэнь Цинхэ — сидели ближе всех к императору. За ними рядами располагались обладатели второй и третьей степеней.

Император Чжаохуань повелел поднести вина. Новоиспечённые цзиньши трижды подняли и трижды осушили свои чаши, благодаря за высочайшую милость.

— Не думала, что в этом году все трое первых лауреатов окажутся такими молодыми и одарёнными красавцами, — хихикнула одна из служанок, обращаясь к подругам. — Сидят вместе, словно россыпь драгоценных камней. Я, когда вино подносила, даже глаз поднять не смела, боялась ослепнуть.

— Особенно таньхуа! Из какой он семьи? Никогда не видела в столице юноши такой красоты!

— Что вы, господин Юэ — вот кто истинный небожитель. Благородный и утончённый.

Заметив, что служанки болтают в присутствии государя, к ним немедленно подбежала распорядительница и сделала выговор. Покрасневшие девушки тут же разбежались кто куда.

Юэ Цзе, осушив три чаши, больше к вину не притрагивался.

Шэнь Цинхэ по долгу службы в прошлом нередко приходилось выпивать на приёмах, и он считал, что пьёт неплохо. Бамбуковое вино Великой Юн оказалось мягким и приятным на вкус, с низким градусом и уникальным травяным ароматом. После трёх чаш ему захотелось ещё. Баньянь, очевидно, тоже никогда не пробовал дворцового вина и нашёл его превосходным, но стеснялся наливать себе ещё в присутствии государя.

Шэнь Цинхэ же ничуть не смутился. Видя, что высокий и крепкий с виду баньянь на самом деле робок, он сам предложил ему выпить. Тот тихо согласился, и они осушили ещё несколько чаш. Вскоре в кувшине осталось меньше половины.

Юэ Цзе, заметив, что они пьют, забыв обо всём на свете, брезгливо отодвинулся от них подальше.

Видя его высокомерие, Шэнь Цинхэ не удержался от искушения поддразнить его:

— Господин Юэ! Господин Юэ? Почему не пьёте?

Юэ Цзе лишь фыркнул:

— После трёх чаш пристойный муж не пьёт.

Шэнь Цинхэ ничуть не обиделся на колкость. С покрасневшими щеками и слегка затуманенным взором, он сжал в руке чашу и, подавшись вперёд, посмотрел на императорский трон.

Синь Е, сидевший рядом, вздрогнул от испуга и поспешно схватил его за пояс.

— Таньхуа Шэнь, опомнитесь, это же государь! — прошептал он.

Но Шэнь Цинхэ не слушал его. Пошатываясь, он попытался приблизиться к трону. Император Чжаохуань опустил на него взгляд.

— Ваше Величество, чжуаньюань не желает пить со мной, — юный таньхуа, которого тянули назад, сдвинулся лишь на шаг. Он полусогнулся, одной рукой придерживая съехавшую набок форменную шапку, а другой указывая на Юэ Цзе. — Ты... ты должен его наказать.

Шэнь. Цин. Хэ!

Глаза Юэ Цзе вспыхнули гневом, он с ненавистью процедил его имя сквозь зубы.

Взгляд императора Чжаохуаня скользнул с одного на другого.

— Не стоит увлекаться вином. Чжуаньюань прав, я не стану его наказывать.

Юный таньхуа был глубоко разочарован. Он уставился на стол, и, казалось, его внезапно осенило. Схватив обеими руками полную чашу, он протянул её императору:

— Тогда, может, Ваше Величество выпьет со мной?

Император Чжаохуань смотрел на него сверху вниз, не двигаясь.

— Ох, — протянул юноша.

Прекрасный юноша с покрасневшими щеками подождал ещё немного и, окончательно разочаровавшись, потянул за край одежды, собираясь сесть на место.

Тяжёлый аромат сандалового дерева на мгновение перекрыл густой запах бамбукового вина, проникая в лёгкие с каждым вдохом и выдохом.

Раздался мелодичный звон.

Золотой кубок коснулся его изящной нефритовой чаши.

Император Чжаохуань наклонился. Пряди чёрных как смоль волос соскользнули с его строгого тёмного одеяния и упали на локоть. Молодой правитель с лёгкой тенью безысходности во взгляде посмотрел на юношу.

Он одним махом осушил свой кубок. Лицо юного таньхуа мгновенно просияло, и он с радостью поднёс к губам свою чашу, но, сделав лишь половину глотка, почувствовал, как его запястье перехватила чужая рука.

Шэнь Цинхэ вопросительно посмотрел на императора. Тот что-то сказал стоявшему рядом внуху, и в следующее мгновение чашу из его рук забрали, а кувшин с вином убрали со стола.

— ?!

Шэнь Цинхэ резко вскинул голову и с недоверием уставился на императора Чжаохуаня. Его глаза, подобные осенним водам, выражали глубочайшую обиду.

Император Чжаохуань поставил золотой кубок на стол.

— Излишества вредят здоровью.

Шэнь Цинхэ был готов разрыдаться.

С маленьким пьяницей спорить бесполезно.

Перед Шэнь Цинхэ поставили пиалу с двойным молоком.

— В твоём возрасте такое должно нравиться, — сказал император Чжаохуань.

Двойное молоко? Конечно, он его обожал, просто до безумия.

Это было редкое лакомство. Шэнь Цинхэ тут же забыл о притворной печали и с наслаждением принялся уплетать десерт ложку за ложкой.

«Подхалим. Выслуживается».

Юэ Цзе глубоко вздохнул.

«Прошу прощения, могу я узнать, что это за представление вы только что устроили?»

«Ха-ха».

Шэнь Цинхэ чопорно вытер губы салфеткой и вернулся на своё место.

«Изначально я полагал, что император Чжаохуань положил на меня глаз. В конце концов, в Великой Юн однополюсные связи довольно распространены».

«Он... он... он положил на тебя глаз?! — в ужасе воскликнула Система. — Когда это случилось?!»

«Без паники. Ты всего лишь Система Кэцзюй, так что твоя неосведомлённость простительна. В моё время была весьма популярна концепция "академической Дацзи", в том числе и мужского пола. Эй, ты что, коротишь? Что за треск? В том, что я ему нравлюсь, нет ничего плохого. Я уж было подумал, что снова смогу расслабиться и не напрягаться...»

Логический модуль Системы едва не вышел из строя, но она заставила себя успокоиться. Хотя ситуация была несколько... неординарной и не совсем соответствовала её основной цели — проведению через государственные экзамены, в базе данных имелись похожие случаи. Будь на её месте кто-то из старших коллег, специализирующихся на романтических сценариях, он бы чувствовал себя как рыба в воде.

Она была уже зрелой Системой с опытом работы с тремя Носителями. Успокоив себя, Система настойчиво спросила:

«И что было дальше?»

«А дальше не было ничего. Всё это оказалось моими домыслами. Ты разве не видел, как я строил глазки в пустоту? ...Хотя, возможно, это просто мои навыки в этой области ещё не отточены. Будет возможность — надо будет потренироваться».

Что-то здесь было не так.

«Но необъяснимая забота и внимание со стороны высшего руководства пугают ещё больше, — продолжал размышлять Шэнь Цинхэ. — Может, он хочет вознести меня, чтобы потом низвергнуть? Вроде бы я ничем его не прогневал, в моём круге общения этот человек даже не фигурировал... Он не ценит мои профессиональные качества и не нуждается в эмоциональной поддержке. Система, ты понимаешь, к чему я клоню?»

Система ничего не понимала, но была глубоко впечатлена.

«Я не могу найти этому объяснение, но это очень страшно», — твёрдо заключил Шэнь Цинхэ.

Переулок Сацзинь по-прежнему выглядел уныло. Когда они снова проезжали мимо резиденции князя Ина, в глаза бросились обветшалые алые ворота с обрывками сорванных печатей.

Говорили, он был единственным из удельных князей, оставленным в столице для помощи в управлении государством. Говорили, его двор когда-то поражал роскошью и великолепием. Теперь же резиденция пришла в полный упадок, все приближённые покинули его. Пройдёт ещё несколько лет, сюда въедут новые жильцы, и даже имя его забудется.

Четверо учеников уже сидели за партами в полной готовности.

Шэнь Цинхэ проверил, как они усвоили прочитанное, и остался доволен.

— Итак, вы поверхностно ознакомились с учениями ста школ и составили о них общее

представление.

— Сегодня я скажу вам, что среди этих учений есть лишь одно — абсолютно верное и совершенное. Вы усердно изучали их несколько дней. Интересно, кто из вас сможет назвать его.

Стоя за кафедрой, Шэнь Цинхэ улыбнулся.

<http://bllate.org/book/13438/1196503>